

С.С. Савоскул

**ЛОКАЛЬНОЕ САМОСОЗНАНИЕ ЛИЧНОСТИ
(автобиографический аспект)**

В ходе исследования локального самосознания россиян XX — начала XXI в., которым я занимаюсь последнее десятилетие преимущественно на примере населения Переславля-Залесского, а также других небольших исторических городов Центральной России, у меня возникла идея предпринять изучение местного (локального) самосознания на примере отдельной личности. В качестве объекта изучения личностного аспекта локального самосознания я решил избрать собственную личность, исходя из того что наиболее известный и наиболее доступный любому исследователю объект — ты сам: твоя жизнь, окружение, мысли и чувства. И если речь идет об этнографе/этнологе, то можно сказать, что уже с самого его рождения он оказывается в «исследовательском поле», неизбежно охватывающем всю его жизнь.

Ключевые слова: локальное самосознание, малые города, личностный аспект локального самосознания, автоэтнография, этнографическая рефлексия.

Sergey S. Savoskul

**LOCAL SELF-CONSCIOUSNESS OF THE PERSONALITY
(autobiographical aspect)**

During the research of local consciousness of Russians of 20 — the beginning of the 21st centuries in which I am engaged in the last decade mainly on the example of the population of Pereslavl-Zalessky and also other small historical cities of the Central Russia, I had had an idea to undertake studying of local self-consciousness on the example of the individual. As an example of studying of personal aspect of local self-consciousness I have decided to choose own personality, proceeding from the fact that the most known and the most available to any researcher an object — you: your life, your environment, your thoughts and feelings. And if it is about the ethnographer/ethnologist, then it is possible to tell that already since his birth he appears in the “research field” which is inevitably covering all his life.

Keywords: local consciousness, small cities, personal aspect of local consciousness, autoethnography, ethnographic reflection.

В ходе исследования локального самосознания россиян XX — начала XXI в., которым я занимаюсь последнее десятилетие преимущественно на примере населения Переславля-Залесского, а также других небольших исторических городов [Лаппо 2012: 236–257] Центральной России, у меня возникла идея предпринять изучение местного (локального) самосознания на примере отдельной личности. Говоря о локальном самосознании (идентичности), я имею в виду социально-культурное (и одновременно социально-психологическое) явление, возникающее в результате самоотождествления (самоидентификации) личности с локальным сообществом и территорией его местонахождения, с которыми связана (или была связана) значительная часть ее жизни [Савоскул 2005: 58–59]. При этом, на мой взгляд, локальная идентичность не тождественна региональной, если под регионом, как в нашем российском случае, иметь в виду область, край, республику или отдельную историко-культурную область (Сибирь, Поволжье, Урал, Северный Кавказ, Поморье и т.д.). Это подтверждает и мое исследование массового сознания. Так, результаты опросов последних лет свидетельствуют, что принадлежность к региону (в первом из вышеназванных значений) по значимости занимала у респондентов последнее место — после России и города, где они живут. Эти факты не позволяют мне согласиться с мнением, что так называемая малая родина *«не может быть разделена на локальную и региональную»* [Крылов 2010: 25]. Да и на собственном примере могу сказать, что такое разделение является обычным правилом — если Переславль-Залесский я могу назвать своей малой родиной, то считать таковой Ярославскую область мне и в голову не приходит.

Для исследования локального самосознания отдельной личности, на мой взгляд, лучше всего подходит биографический метод с особым вниманием к выявлению тех сторон жизни и самосознания личности, в которых проявляется ее связь с локальным сообществом, в границах которого в основном происходит (или в свое время происходила) жизнедеятельность и в целом социализация индивида, а также с местом его нахождения, «родной землей». При этом связь личности с локальной территорией, «родной землей» может быть не менее, а нередко и более значимой и сильной, чем связь с локальным сообществом. Так, к примеру, я сравнительно

мало отождествляю себя с переславцами, тем более что большую часть моей жизни я прожил в других местах. Но сам Переславль — его многовековая история, его древности, улицы, школы, в которых я учился, дома, в которых мы жили, Плещеево озеро, окрестные леса, «мой» овраг — и все годы жизни в этом пространстве стали частью меня самого.

В качестве первого примера изучения личностного аспекта локальной идентичности я избрал самого себя, свою соотнесенность с Переславлем-Залесским, в котором я прожил шесть лет, пришедшихся на мое детство, отрочество и начало юности — с 10 до 16 лет. В этот город моего отца — офицера советской армии отправили служить после переподготовки в Харькове, а до Харькова мы несколько лет жили в Грузии, куда отец попал после нескольких лет службы в Германии, где его часть задержалась по окончании войны. Решаясь избрать в качестве объекта изучения личностного аспекта локального самосознания собственную личность, я исходил из того, что наиболее известный и доступный любому исследователю объект — ты сам: твоя жизнь, окружение, мысли и чувства. А уж если речь идет об этнографе/этнологе, то можно сказать, что уже с самого его рождения он оказывается в «исследовательском поле», неизбежно охватывающем всю его жизнь. Вполне естественно, что один из объектов, находящийся в этом «поле», — личность самого исследователя. Для ее изучения важнейшим источником является, несомненно, его собственная память. Опираясь в первую очередь на нее, я в своем исследовании частично пользовался и другими, в основном документальными, материалами личного происхождения — дневниковыми записями, письмами, некоторыми моими публикациями. Правда, известно, что память не всегда бывает достаточно надежным источником для изучения тех или иных сторон минувшего, в том числе личной жизни человека, включая, конечно, и становление его самосознания (см., например: [Кон 1978: 256–257]). И все же, на мой взгляд, она незаменима при изучении сознания личности уже в силу отсутствия многих других источников на сей счет.

Локальное самосознание личности может проявляться по разному и с различной интенсивностью: в форме чисто бытового отношения (от негативного до восторженно-патриотического) к свое-

му городу, краю; в форме той или иной степени знания о нем; наконец, в форме активной деятельности по его духовному и материальному освоению и преобразованию.

Автоисследование имеет, на мой взгляд, то важное преимущество, что оно может гораздо нагляднее и точнее (чем исследование на других объектах) показать, как самосознание личности развивается на протяжении человеческой жизни, какие внешние и внутренние обстоятельства и факторы на него влияли, в чем это самосознание проявляется.

Исходя из сказанного, основную свою задачу я видел в том, чтобы на основе собственных воспоминаний и их посильного анализа попытаться рассмотреть процессы формирования и развития моей переславской идентичности, определить ее основные компоненты и опорные символы, их историческую динамику, выявить историко-культурный и социальный контекст этих процессов, определить соотношение переславского самосознания с другими моими локальными идентичностями, а также с некоторыми другими формами собственного социального самосознания (гражданского, этнического, профессионального). (О результатах этого исследования см.: [Савоскул 2015].)

Обзор объективных и субъективных условий формирования локального самосознания и связанной с ним многообразной деятельности по освоению местной (в данном случае переславской) социальной, историко-культурной и природной среды, проведенный на примере более чем 60-летнего жизненного опыта автора, позволяет сделать ряд предварительных выводов о процессе становления и развития локальной идентичности личности.

Прежде всего, основываясь на своей биографии, я выделил два этапа в формировании и развитии моей переславской идентичности: 1) годы жизни в Переславле, пришедшиеся на детство и юность, и 2) все остальные годы моей жизни до настоящего времени.

На первом этапе этого процесса происходило формирование основного первоначального содержания моего локального переславского самосознания, что во многом определялось конкретной социально-культурной, исторической, природной средой, в которой проходила моя социализация. При этом, как показал мой жизненный опыт, позитивная идентификация с местным сообществом

и местным краем во многом зависит от «качества», ощущения полноценности, самодостаточности их социально-культурной, исторической, природной составляющих. С этой точки зрения мое проживание в Переславле явилось для меня и моего самосознания поистине подарком судьбы, на всю жизнь определившим мои личные приоритеты. Переславль-Залесский середины прошлого века представлял собой практически идеальный образец небольшого русского исторического города с неплохо сохранившимися памятниками древности, располагавшего достаточно развитой и вполне самодостаточной социально-культурной средой, к тому же находящегося в уникальном для Центральной России природном окружении.

Со спецификой местной среды связаны и другие стороны моего переславского самосознания. Так, относительно той части локальной идентификации, в которую входят представления о социально-культурных особенностях членов местного сообщества, могу сказать, что для меня одной из важных характеристик переславцев стало их «оканье», в 1950-х годах практически поголовное. Для меня это было особенно заметным не только из-за того, что именно тут я впервые услышал такое произношение, но и потому, что на первых порах переславские сверстники насмеялись над моим «аканьем». В социально-культурном облике переславцев для меня было важно и своеобразие их образа жизни, ставшее для меня особенно заметным в силу его новизны, необычности на фоне того, с чем я до этого сталкивался. Таким же своеобразным оказался для меня и сам город, и его природное окружение.

При совпадении общих контуров содержания моего локального самосознания с набором местных ценностей, общезначимых для данного сообщества, приобщение к ним каждого конкретного человека носит индивидуальный характер, как в значительной мере индивидуально и значение, вкладываемое в эти общеизвестные символы местного края. Среди важных символов Переславского края наиболее близким мне (в том числе чисто территориально) оказался музей. В пробуждении и развитии моего локального исторического сознания большую роль сыграл факт постоянного соседства со стенами бывшего Горицкого монастыря, где с 1919 г. находится музей, с его башнями и храмами. А музейные экспозиции наглядно

приобщали к многовековой, многообразной истории и культуре края, к образцам высокой профессиональной культуры (особенно художественной), давали живое представление о природе края. Музей благодаря систематизации большого и всестороннего материала о крае подспудно развивал интерес к его познанию. В какой-то мере этому способствовала и личность директора музея. Важным фактором формирования моего переславского самосознания были и те из прочитанных книг, в которых отражалась история России, особенно Переславского края. Немалую роль в поддержании позитивного восприятия города сыграл фильм «Александр Невский».

К тому же помимо общезначимых для данного сообщества ценностей местной социально-культурной, исторической и природной среды в локальном самосознании личности немаловажную роль играют и индивидуально значимые для нее элементы этой среды. Такими элементами, судя по моему случаю (полагаю, что это относится и к любому человеку), являются также конкретные места жительства, школы, в которых я учился, другие памятные места в городе и его окрестностях.

Исходя из моего опыта, можно также предположить, что интенсивность локального самосознания личности во многом зависит и от индивидуальных обстоятельств, связанных с пребыванием человека в данном локальном сообществе и месте его расположения. На мой взгляд, в случае, если его связь с ними складывалась в начальный период социализации личности (детство, отрочество, юность), значимость локальной идентичности потенциально может быть большей по сравнению с тем случаем, когда связь с данным локальным сообществом начинается уже у взрослого человека. Тут я могу основываться на сравнении интенсивности переславского самосознания у себя, моих родителей и младших братьев, которых увезли из Переславля в раннем детстве. Если у меня память и связь с Переславлем прошли через всю жизнь, то родители хотя и вспоминали иногда переславские годы, но желания съездить туда у них не возникало. У братьев (особенно у младшего), родившихся в Переславле, никаких воспоминаний о переславской жизни не осталось, понятно, что и заметной привязанности к этому месту у них не сложилось. Нечто подобное моему отношению к Переславлю у них возникло по отношению к Серпухову, куда отца перевели слу-

жить после Переславля. Кстати, хотя я родился в Клину, но мое отношение к этому городу не идет ни в какое сравнение с Переславлем, который я считаю своей настоящей родиной.

На процессы дальнейшего (послепереславского) этапа развития моего переславского самосознания неизгладимое влияние оказал «опыт расставания», особенно вынужденного (как в моем случае) с местом, в котором активно происходила социализация личности, где человек провел годы своего детства, отрочества и юности. Такое расставание, как показывает не только моя жизнь, но и судьба переславских краеведов М.И. Смирнова, С.Е. Елховского и ряда других известных переславцев, часто способствует росту местного (в данном случае — переславского) патриотизма, подталкивает человека к той или иной деятельности по более активному освоению любимого края. Под влиянием своего рода ностальгии содержание местного самосознания (в моем случае переславского) личности может расширяться и углубляться в результате как дальнейшего более интенсивного освоения локального текста «самого» края, так и включения в этот текст иной разнообразной относящейся к данной местности информации. При наличии благоприятных обстоятельств местный патриотизм личности может проявиться и в той или иной ее деятельности по дальнейшему практическому и духовному освоению края.

В послепереславском периоде своего взаимодействия с Переславским краем я выделил три момента моей деятельности. Первый из них связан с попыткой участия в защите переславских ценностей, пришедшейся на конец 1980-х годов. К этому времени во многом благодаря радикальным переменам в социально-политическом развитии страны, отразившимся и в усилении демократизации и гласности, стали особенно очевидны многие негативные моменты в состоянии отечественного историко-культурного и природного наследия. Не миновало это и Переславля. В центральной периодике появилось немало материалов о вопиющем состоянии многих местных памятников, а также о значительных нарушениях природной и культурной среды в ходе начавшегося строительства в Переславле академического института программных исследований (Института программных систем АН СССР). Во время поездки в Переславль в составе комиссии Отделения истории АН СССР, а также в ходе по-

следующих посещений родного города я основательно ознакомился со сложившейся там неблагополучной ситуацией. Тревога по этому поводу нашла отражение в информационной записке и отчете, сделанных для Отделения истории, а также в статье [Мой Переславль: 132–140, 190–202] и письмах, направленных в ведущие газеты («Правду», «Известия», «Советскую культуру»), обращавшихся к переславским проблемам, а также ряду известных ученых (А.Л. Яншину, Д.С. Лихачеву, Б.А. Рыбакову) и писателей (В. Астафьеву, В. Белову, Ю. Бондареву, С. Залыгину, Л. Леонову, В. Распутину), активно выступавших за сохранение историко-культурного и природного наследия. Результатом совместных усилий стала некоторая позитивная подвижка по улучшению состояния историко-культурной и природной среды Переславского края, в частности изменения в параметрах строительства Института программных систем.

На это же время (конец 1980-х годов) пришлось начало и другого важного для моего переславского самосознания дела — исследования и публикации неизвестного до этого фольклорно-этнографического собрания почти забытого переславского краеведа С.Е. Елховского. Этот уроженец Переславля, родившийся в 1899 г., после окончания в 1918 г. гимназии работал учителем в городской школе для взрослых, потом несколько лет учился в Иваново, а вернувшись на родину, продолжил учительствовать. В эти же годы он активно занимался краеведческой работой, которую в Переславле возглавлял известный историк М.И. Смирнов, немало сделавший и для местной фольклористики и этнографии (о М.И. Смирнове см. подробнее: [Савоскул и др. 2011: 24–31]). С.Е. Елховский собрал в 1920-е годы уникальный по объему и богатству фольклорно-этнографический материал, который в преклонные годы передал в Переславский музей. Ознакомившись с этими материалами, я понял, что данное собрание является важным памятником отечественной гуманитарной науки и российского краеведения, расцвет которого пришелся на 1920-е годы. Стала очевидной необходимость изучения и введения в научное и общественное пользование этого уникального памятника. Много времени и сил заняла техническая работа (ксерокопирование, компьютерный набор и пр.), в которой активное участие принял Переславский музей, прежде всего тогдашний его ученый секретарь С.Б. Рубцова. Немало помогала она

нам (автору и Т.С. Макашиной, с самого начала охотно принявшей участие в этом проекте) и в поисках материалов о жизни С.Е. Елховского, бóльшая часть которой (с начала 1930-х годов) прошла в Иваново. Важную роль в подготовке собрания С.Е. Елховского сыграла также Е.Г. Богина — заведующая Центром народной музыки Московской консерватории, высокопрофессионально проанализировавшая многочисленные нотные записи, сделанные переславским собирателем. Все эти труды через несколько лет увенчались публикацией собрания С.Е. Елховского [Савоскул 2011б; 2013б], получившей положительный отзыв такого известного специалиста, как Т.Г. Иванова [Иванова 2011а; 2013а].

В начале 2000-х годов практически одновременно с изучением жизни и собрания С.Е. Елховского я начал исследование массовой локальной идентичности переславцев. Главным источником для ее изучения стали итоги выборочного (около 50 человек) опроса с помощью составленного мною вопросника. Его итоги показали, что местное самосознание переславцев составляет весьма заметную и содержательную часть их общей идентичности, хотя, по самооценке опрошенных, этническая (русская) и гражданская (российская) идентичности для них важнее локальной (переславской). При этом все названные стороны самосознания тесно связаны и дополняют друг друга. Базовой основой локальной идентичности переславцев являются: представления о значимости местного историко-культурного наследия, воплощенном в разнообразных памятниках истории и культуры (Горицкий монастырь — городской музей, музей-усадьба «Ботик», переславские церкви и монастыри, городские валы, дендросад, Синий камень и пр.), а также локальная историческая память, опирающаяся в первую очередь на значимых для переславской, а также общероссийской истории деятелей — прежде всего переславского уроженца Александра Невского, Петра I, создавшего на Плещеевом озере первую российскую военную флотилию, основателя Переславля Юрия Долгорукова, местного художника Д.Н. Кардовского и др. Исследование также показало, что одной из важнейших опор местной идентичности выступает природное окружение города, особенно Плещеево озеро.

Органической частью локального самосознания переславцев является также их отношение в современному Переславлю, вклю-

чающее как положительные, так и негативные представления о родном городе. В местную идентичность опрошенных входят и отмеченные ими социально-культурные особенности переславцев, их менталитет. (Основные итоги этого исследования см.: [Савоскул 2005: 58–73; 2006: 158–169; 2009: 73–112; 2013: 107–137].)

Продолжением изучения локального самосознания переславцев стало исследование роли переславских краеведов (М.И. Смирнова, С.Е. Елховского, К.И. Иванова, И.Б. Пуришева) в формировании образа Переславского края, являющегося главным фактором становления массовой локальной идентичности переславцев [Савоскул 2011а: 83–99].

Основные итоги исследования моего локального самосознания позволяют сделать вывод, что в его развитии проявились все его возможные формы, о которых я упоминал в начале статьи: бытовое отношение к своему городу, которое постепенно, по мере накопления профессиональных знаний историка и этнографа, привело к мысли о возможности собственного исследования родного края, а в последние два десятилетия воплотилось в ряде работ по изучению его культурно-исторического облика.

Библиография

- Иванова Т.Г.* Что таят архивы // Живая старина. 2011. № 4 (72). С. 55–58.
- Иванова Т.Г.* Фольклорно-этнографическое собрание С.Е. Елховского: продолжение издания // Живая старина. 2013. № 4 (80). С. 65–67.
- Кон И.С.* Открытие «Я». М.: Политиздат, 1978. 367 с.
- Крылов М.П.* Региональная идентичность в Европейской России. М.: Новый хронограф, 2010. 240 с.
- Лапто Г.М.* Города России. Взгляд географа. М.: Новый хронограф, 2012. 504 с.
- Савоскул С.С.* Локальная идентичность современных россиян (опыт изучения на примере Переславля-Залесского) // Этнографическое обозрение. 2005. № 3. С. 58–59.
- Савоскул С.С.* Местное самосознание в современной России (по материалам Переславля-Залесского) // Отечественная история. 2006. № 4. С. 158–169.
- Савоскул С.С.* Локальное самосознание современного русского населения Центральной России // Очерки русской народной культуры. М.: Наука, 2009. С. 73–112.

Савоскул С.С. Краеведение и локальная идентичность (на примере малых городов Центральной России) // Этнографическое обозрение. 2011а. № 6. С. 83–99.

Савоскул С.С. (отв. ред.). Переславское Залесье: фольклорное-этнографическое собрание С.Е. Елховского. М.: Индрик, 2011б. Вып. 1. 456 с. (Традиционная духовная культура славян. Публикация текстов).

Савоскул С.С. Образ родного края у современных россиян (по данным Переславля-Залесского) // Героическое и повседневное в массовом сознании русских XIX — начала XXI в. М.: ИЭА РАН, 2013а. С. 107–137.

Савоскул С.С. (отв. ред.). Переславское Залесье: фольклорно-этнографическое собрание С.Е. Елховского. М.: Индрик, 2013б. Вып. 2. (Традиционная духовная культура славян. Публикация текстов).

Савоскул С.С. Мой Переславль. О локальном самосознании личности. М.: ИЭА РАН, 2015. 216 с.

Савоскул С.С., Макашина Т.С., Рубцова С.Б. С.Е. Елховский и его фольклорно-этнографическое собрание // Переславское Залесье. Фольклорно-этнографическое собрание С.Е. Елховского / Отв. ред. С.С. Савоскул. М.: Индрик, 2011. Вып. 1. С. 24–31.

References

Ivanova T.G. Fol'klorno-etnograficheskoe sobranie S.E. Elkhovskogo: prodlzhenie izdaniia. Zhivaia starina. 2013. no. 4 (80). Pp. 65–67.

Kon I.S. Otkrytie «Ia». Moscow: Politizdat, 1978. 367 p.

Krylov M.P. Regional'naiia identichnost' v Evropeiskoi Rossii. Moscow: Novyi khronograf, 2010. 240 p.

Lappo G.M. Goroda Rossii. Vzgliad geografa. Moscow: Novyi khronograf, 2012. 504 p.

Savoskul S.S. Lokal'naiia identichnost' sovremennykh rossiian (opyt izucheniia na primere Pereslavl'ia-Zal'skogo). Etnograficheskoe obozrenie. 2005. no. 3. Pp. 58–59.

Savoskul S.S. Mestnoe samosoznanie v sovremennoi Rossii (po materialam Pereslavl'ia-Zal'skogo). Otechestvennaia istoriia. 2006. no. 4. Pp. 158–169.

Savoskul S.S. Lokal'noe samosoznanie sovremennogo russkogo naseleniia Tsentral'noi Rossii. Ocherki russkoi narodnoi kul'tury. Moscow: Nauka, 2009. Pp. 73–112.

Savoskul S.S. Kraevedenie i lokal'naiia identichnost' (na primere mal'nykh gorodov Tsentral'noi Rossii). Etnograficheskoe obozrenie. 2011a. no. 6. Pp. 83–99.

Savoskul S.S. (отв. ред.). Pereslavskoe Zales'e: fol'klornoe-etnograficheskoe sobranie S.E. Elkhovskogo. Moscow: Indrik, 2011b. Vyp. 1. 456 p. (Traditsionnaia dukhovnaia kul'tura slavian. Publikatsiia tekstov).

Savoskul S.S. *Obraz rodnogo kraia u sovremennykh rossiian (po dannym Pereslavlia-Zalesskogo)*. Geroicheskoe i povsednevnoe v massovom soznanii russkikh XIX — nachala XXI v. Moscow: IEA RAN, 2013a. Pp. 107–137.

Savoskul S.S. (otv. red.). *Pereslavskoe Zales'e: fol'klorno-etnograficheskoe sobranie S.E. Elkhovskogo*. Moscow: Indrik, 2013b. Vyp. 2. (Traditsionnaia dukhovnaia kul'tura slavian. Publikatsiia tekstov).

Savoskul S.S. *Moi Pereslavl'. O lokal'nom samosoznanii lichnosti*. Moscow: IEA RAN, 2015. 216 p.

Savoskul S.S., Makashina T.S., Rubtsova S.B. S.E. Elkhovskii i ego fol'klorno-etnograficheskoe sobranie. *Pereslavskoe Zales'e. Fol'klorno-etnograficheskoe sobranie S.E. Elkhovskogo*. Otv. red. S.S. Savoskul. Moscow: Indrik, 2011. Vyp. 1. Pp. 24–31.